ЛУНА В ТРАДИЦИОННОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ ХАКАСОВ*

Статья посвящена реконструкции мифологических воззрений хакасов о луне. Человек традиционного общества не мыслил себя вне природы, отдельно от нее. Среди многочисленных природных объектов большое значение придавалось луне. В мировоззрении народа доминировало мистическое восприятие этого светила. Полагали, что жизнь людей во многом была зависима от нее. Этот космический объект воспринимался в качестве живого существа, наделенного высшей сакральной силой. Образ луны связывался и с идеей плодородия, процветания и гармонии, что способствовало регулярному, а нередко – экзальтированному поклонению ей. Наряду с солнцем, она воспринималась в качестве космического начала, определяющего ритм земной жизни. Верили, что, как и все в природе, она и сама обладает свойствами переменчивости – рождалась, росла, умирала и вновь возрождалась. В культуре народа каждая лунная фаза получала соответствующее мифоритуальное оформление. Луна оказала решающее влияние на формирование обрядовой практики, связанной с представлениями о жизни, смерти, судьбе, богатстве и т. д. Лунный цикл лег в основу народного календаря хакасов. В традиционном мироощущении светило выступало в качестве объекта, по которому измеряли не только время, но и пространство, соотносили хозяйственную и иную деятельность. Луна как высший эталон красоты способствовала формированию эстетических норм у хакасов.

Ключевые слова: хакасы, верования, миф, обряд, луна, солнце, человек, шаманизм, духи, судьба.

Изучение представлений о небесных светилах и явлениях в традиционной культуре тюркских и монгольских народов Сибири вызывает большой научный интерес. В исторической и религиоведческой литературе, посвященной проблеме мировоззрения этих этносов, в последние десятилетия активно обсуждаются вопросы, касающиеся определения термина «традиционные верования», «национальная (этническая) религия». Многие исследователи определяют его, как ша-

манизм (см.: [Алексеев, 1984; Потапов, 1991] и др.). Однако имеется и иной взгляд на дефиницию «традиционные верования» тюрко-монголов, под которыми предлагается понимать тенгрианство (тенгризм) с его центральным культом Неба [Кляшторный, 2003; Кляшторный, Султанов, 2004]. Продолжающиеся дискуссии на эту тему свидетельствуют об актуальности проблемы.

Традиционные воззрения хакасов о Небе, космических объектах и явлениях всегда

* Работа выполнена в рамках программы № X.100.3.3 «Традиционное мировоззрение коренных народов Южной Сибири во взаимодействии с мировыми, национальными и новыми религиями: способы устойчивости, пути изменений (XX – начало XXI в.)» и при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации: НИР 6.2069.2011 «Развитие механизма интеграции фундаментальных исследований и образовательной деятельности по археологии и этнографии Северной Азии в рамках совместного Научно-образовательного центра Новосибирского национального исследовательского государственного университета и Института археологии и этнографии СО РАН».

привлекали внимание исследователей (см.: [Катанов, 1907; Майнагашев, 1916; Потапов, 1978; 1991; Бутанаев, 1976, 2003] и др.). Учеными был собран огромный корпус полевого и архивного материала по данной проблематике. Вместе с тем необходимо констатировать, что целенаправленного, системного изучения культа луны у хакасов до сих пор не предпринималось. Данное обстоятельство определяет новизну представленного исследования.

Целью работы является определение мифоритуального комплекса хакасов, связанного с культом луны. Исходя из цели, были поставлены следующие задачи: выявление роли этого светила в мифологии ритуальных практиках, в том числе – домашних (семейных) и процессе коллективных молений – *тайыг*; установление ее значимости в соционормативной сфере. Хронологические рамки работы охватывают конец XIX – XX в. Выбор таких временных границ вызван, прежде всего, состоянием источниковой базы по теме исследования. Работа базируется на комплексном, системно-историческом подходе к изучению прошлого. Методика исследования основана на историко-этнографических методах – научного описания, конкретно-исторического анализа, структурно-семантического и реликта.

В традиционной культуре хакасов луне (хак. *ай*) отводится ключевое место. Она, наряду с солнцем (хак. *күн*), выступала одним из самых почитаемых объектов. Бытовало убеждение, что от этих небесных тел зависят жизнь и процветание не только людей, но и всего живого. Поэтому в прошлом хакасы ежедневно поклонялись этим светилам. Данная традиция нашла яркое отражение в эпическом творчестве. Так, в богатырском сказании «Хан-Төңис на темно-сивом коне» приводится сюжет, в полной мере отражающий этот обычай:

«Снова за ночью должный рассвет
наступил,
Степи-*тасхылы* солнечный свет озарил.
Славный Хан-Төңис
С мягкого ложа вставал,
Шестиугольный отцовский дворец
покидал.
К берегу быстротекущей реки
устремился,
На берег выйдя, умылся в потоке речном

И златотканым, умывшись, утерся
платком.
Светлому солнцу-луне затем поклонился,
В шестиугольный отцовский дворец
воротился»
[Баинов, 2007. С. 115].

В архаических воззрениях данные светила, как правило, фигурируют в неразрывном союзе друг с другом. Полагали, что они связаны между собой родственными узами [Хакасские сказки, 1986. С. 291]. В мифах они нередко предстают в образе людей. Исследователь Н. А. Костров в XIX в. записал произведения устного народного творчества хакасов. Особый интерес из них представляет миф, в котором светила изображаются в виде двух мужчин, спорящих друг с другом о старшинстве. Обращают на себя внимание имена этих персонажей – Месяц Месяцевич и Солнце Солнцевич [1884. С. 238]. Тенденция к антропоморфизации небесных светил в мифологическом сознании хакасов подтверждается и материалами Н. Ф. Катанова. Он записал миф о трех сыновьях грома. Согласно повествованию старший сын олицетворяет собой солнце, средний – месяц, а младший – огонь [1907. С. 187–188]. В одной из народных загадок луна называется «стариком Чюс-Алтай» [Там же. С. 240]. В культуре хакасов, как и других народов, наряду с такими воззрениями на светила были представлены и иные. В них образы солнца и луны наделяются чертами женского, а нередко – материнского начала [Катанов, 1907. С. 421; Хакасские сказки, 1986. С. 292–296; Традиционное мировоззрение..., 1989. С. 100; Лунарные мифы, 1988. С. 80]. По фольклорным материалам В. Я. Бутанаева, луна являлась супругой эпического героя Күчүн Арыг и называлась Ах сабдар аттыг Ай Арыг (Ай-Арыг, имеющая белогрениго коня). В конце своей жизни она превратилась в ночное светило [1976. С. 232]. Ассоциация образа луны с женским началом подтверждается системой народных примет у хакасов, в том числе толкованием снов. Было принято считать, что если беременной женщине часто снится луна, то у нее родится девочка [Бурнаков, 2006. С. 179].

В мифопоэтическом мышлении хакасов солнце и луна воплощают собой высшую красоту во всем мироздании. В эпической традиции принято для изображения яркой

женской красоты и ее духовной чистоты обращаются к образам небесных светил:

«Сығар кўннең сыныхча,
Падар айдаң соғлығча осхас»

‘Она прекрасна, как восходящее солнце,
Она чиста, как убывающая луна’
[Алтын-Арыг, 1988. С. 27, 269].

Сравнение девичьей привлекательности с солнцем и луной распространено у хакасов и в типичных молодежных заигрышных песнях. По традиции, парень, стоящий на улице, своей песней обращался к девушке, а та, в свою очередь, находясь в юрте, отвечала ему:

«Парень: “Выйди сюда, девица! Я погляжу на твое лицо!”.

Девица: “Разве ты не видел луны и солнца?”»

[Катанов, 1907. С. 310].

В архаических воззрениях солнце и луна воспринимались как две противоположные космические силы, активно воздействующие на человека. При этом дневное светило олицетворяло собой яркое, сильное, теплое начало, а луна в большей степени соотносилась с тусклым, слабым, холодным и т. д. [Лунарные мифы, 1988. С. 79]. Подобные дуалистические взгляды обнаруживаются и в хакасском мифе о борьбе солнца и луны с чудовищем Чилбегеном. Согласно повествованию, светила из сострадания к людям освобождают землю от людоеда – Чилбегена: «Солнце говорит Луне: “Ты достань сюда Челбегена!”. Луна отвечает: “Если я спущусь, то весь народ замерзнет и пропадет!”. Луна далее говорит: “Спустишь ты, Солнце!”. Солнце отвечает: “Если спущусь я, то земля сгорит на 7 сажен глубиной!” Луна говорит еще: “Если спущусь я, то земля промерзнет на 7 сажен глубиной!”. Солнце говорит: “Спустишь ты, Луна! Если ты спустишься, то они как-нибудь обойдутся, а от мороза не пропадут!”. Затем Луна спустилась на эту землю» [Катанов, 1907. С. 274]. Схожие мифологические сюжеты о борьбе светил с пожирающим людей чудовищем распространены среди других тюркских народов Саяно-Алтая [Потапов, 1983. С. 105].

В традиционном сознании солнце и луна, как важнейшие сакральные объекты, поддерживающие жизнь на земле, воспринимались в качестве основных маркеров Среднего мира. Это пространство осознавалось в качестве локуса обитания земных людей и иных живых существ, в связи с чем в хакасской культуре понятия «мир», «земля» и «ойкумена» обозначаются термином «ай-кўн» – ‘букв. луна и солнце’ [Хакасско-русский словарь, 2006. С. 41], а сами жители называются «айлыг-кўнниг чон» – ‘люди подлунного и солнечного мира’ [Бутанаев, 2003. С. 45], или «ай-кўнниг чон» – ‘народ земли’ [Хакасско-русский словарь, 2006. С. 41]. Мысль о том, что освоенное людьми пространство, их местообитание, всегда расположено под животворящими лучами этих светил, красной нитью проходит в фольклоре. Путешествие героев по миру, «освещенному луной и солнцем», осознается как их движение по земной плоскости. Так, в героическом сказании «Алтын Арыг» богатырь по имени Чибетей сообщает об удачно проведенной военной кампании в типичной для хакасской мифопоэтической традиции повествовательной канве:

«Айдың алтын айландырдыбыс,
Алты хан чуртын таладыбыс,
Алты хан чуртунда удур көрер
Алып кізі табылбаан.
Кўннің алтын ибірдібіс,
Көп хан чуртында полдыбыс,
Көп хан чуртында удур тынар,
Кўлүк чахсызы урунмаан»

‘Весь мир, [лежащий] под луной, мы
объехали,
Владение шести ханов мы разрушили,
Во владениях шести ханов
Богатыря, который [попробовал бы]
бороться [с нами] не нашлось
Весь мир, лежащий под солнцем, мы
объехали
В землях многих ханов мы побывали,
Во владениях многих ханов
не встретился
Лучший из храбрецов, который
попытался бы схватиться [с нами]
[Алтын-Арыг, 1988. С. 136, 377–378].

В противоположность Среднему миру основной характеристикой загробного пространства было полное или частичное от-

существование света солнца и луны. В этой связи в фольклоре представлено характерное описание Нижнего мира:

«Ол сағы саринда
Обыргастыг чир полган:
Харлап аххан хара суғлары
Оңар-тискер аххлапчадыр,
Хара сарыптыг чирлері
Хорғыстыг көрініп турадыр.
Аннаң андархы чирі
Харасхы көрін турадыр.
Айның-күннің харағы
Айланминчатхан чир»

А сторона та
Жутким краем была:
Бурлящие черные реки
То в одну, то в другую сторону [там]
текут,
Места, поросшие густым черным
тальником,
Страшными казались,
Места, которые [еще] дальше лежали,
Мрачный имеют вид.
Ни солнце, ни луна
Не заглядывают в [те края].
[Алтын-Арыг, 1988. С. 159–160, 401].

В традиционном мироощущении хакасов образы солнца и луны выступали важнейшими единицами измерения пространства. Расстояние определялось числом дней (*күн*) и месяцев (*ай*) необходимых для его преодоления. Так, например, хакасы, описывая протяженность пути, говорили: «*пір күннің чир*» – ‘дневное расстояние’, «*күнү чөрерге*» – ‘съездить за [один] день’, «*үс күннің чол*» – ‘путь длиною в три дня’ [Хакасско-русский словарь, 2006. С. 215, 216], «*пір күндүк чол*» – ‘дорога, которую можно пройти или проехать за одни сутки’ [Баскаков, Инкижекова-Грекул, 1953. С. 96], «*Үс күннің чирге читіре*» – ‘До расстояния трех дней пути’ [Хакасский героический эпос..., 1997. С. 88–89]. «*Пір ай парчаң ырах чир*» – ‘Далекая земля, расстояние до которой месяц пути’ [Алтын-Арыг, 1988. С. 134]. Архаические метрологические константы нашли яркое отражение в эпическом творчестве:

«Харындастар чоохтасхан,
Айның алты чирді көре,
Анда чөр сыхханнар,

Аран-чула ікі ат
Айлыг чир түс парыбысхан»

‘Братья [друг друга] спрашивали.
И решили они поехать
В земли, [лежащие] под луной.
Два скакуна помчались
В землю, [лежащую] на расстоянии
месяца пути’
[Алтын-Арыг, 1988. С. 134, 375].

«Аран чула ат күлүгі
Айлых чир түс килеєдір,
Арғал-чаттың чирі
Ағылдаң ырах халған»

‘Скакун, богатырский конь,
приближается
К земле, что на расстоянии месяца пути,
Земля чужого народа
Далеко и забыта [уже]’
[Там же. С. 234–235, 474–475].

В хакасской, как и в целом – тюркской культуре, небесные светила являлись основными определителями не только пространства, но и времени. В этой связи авторы «Традиционного мировоззрения тюрков Южной Сибири» справедливо отмечают: «Если положение на небе Солнца было еще и основным пространственным ориентиром, то изменения фаз луны использовались для членения времени» [Традиционное мировоззрение..., 1988. С. 50]. В фольклоре при описании временной протяженности тех или иных событий, происходящих в жизни героев, в том числе и их борьбы, всегда присутствует образ луны: «Так луна сменялась луной, за годом год проползал» [Алтын хус..., 1991. С. 194]:

«Ынағ чоохтарын чоохтасхан,
Чағынхыны ырах салып,
Чахсы чоохтарын чоохтасхан.
Аннаң андар чурт салыбысханнар,
Чырғаллыг күнге түскеннер,
Ай алысханча чуртабысхан
Изебі чох Ай-Хуучын»

‘Дружеские разговоры вели,
Давнее к недавнему подводя,
Достойные разговоры вели.
Стали жить дальше,
Счастливым дням предаваясь,

новления, рождения и смерти. Подобно человеку, Луна встречается на своем пути трагедии, ибо ее “ослабление” (уменьшение размеров и формы по фазам), как и ослабление человека, кончается смертью. Три ночи звездное небо лишено Луны. Но за этой “смертью” следует возрождение: новолуние. Угасание Луны в “смерти” никогда не окончательно» [Элиаде, 1999. С. 117]. Цикличность луны в архаическом мышлении олицетворяла собой вечный, нескончаемый, всегда обновляющийся и возрождающийся круг жизни. Многовековые наблюдения за ночным светилом нашли свое отражение в хакасском языке. Очевидно, не случайно слово «ай» (луна, месяц) легло в основу глагола «айланарга», употребляемого в значении: 1) вращаться вокруг чего-либо, 2) вертеться, кружиться, 3) вращаться, бывать где-либо, 4) повернуть, повернуться, 5) возвращаться, 6) обращаться к кому-либо, с чем-либо, 7) превращаться [Хакасско-русский словарь, 2006. С. 41].

У хакасов месяц (*ай*) насчитывал 30 суток и делился на две фазы по 15 дней: “*ай наазы*” – ‘новая луна’ и “*ай иргизи*” – ‘старая луна’. Так называемые «дни Гекаты» – два первых и два последних дня лунного месяца в народе назывались “*туйух наазы*” – ‘закрытое новолуние’ или «*ай аразы*» – ‘букв. междулуние’. Считалось, что в это время новорожденный месяц виден только собаке «через игольное ушко». Третьи лунные сутки хакасы образно называли «лук с тетивой» (*ухча-кiрiс*) [Бутанаев, 2003. С. 45–46]. Меняющиеся фазы луны в мифологическом мышлении соотносились с бинарной оппозицией: «хорошее / плохое», «светлое / темное», «удачное / неудачное» и т. д. При этом одни циклы луны считаются благоприятными для человека и всей его деятельности, другие же – наоборот. В этой связи Н. С. Щукин, изучая мировоззрение хакасов и других тюрко-монгольских народов в XIX в., совершенно точно подметил характерную особенность их представлений о луне и ее влиянии на жизнь и судьбы людей. Ей «приписывали власть над успехами и неудачами в начинаниях человеческих» [1846. С. 43]. Люди соотносили с лунным циклом обрядовые, хозяйственные и иные мероприятия. Жизненно важные дела, как правило, планировали на период «роста» месяца – от новолуния (*ай наазы*) до полнолуния (*ай толызы*). В это время совершались ритуалы,

имеющие первостепенное значение для жизни людей. Эти обрядовые действия были направлены на плодородие, обновление, обретение здоровья, счастья, богатства, успеха и др. Среди таковых были ритуалы детского цикла (имянаречение, стрижка волос, разрезание «пут» и др.), строительные (закладка основания нового жилища), свадебные и др. Необходимо заметить, что у хакасов при заключении брака невеста совершала специальный обряд «*кунге-айга пазыртханы*» – ‘поклонение солнцу и луне’. Этот ритуал выступал своего рода присягой на верность в супружестве перед высшими силами. После этой обрядности новобрачная уже не имела права расходиться с супругом [Бутанаев, 1976. С. 233; 2003. С. 45]. Суть обряда состояла в том, что невестка трижды посолонь обходила юрту и троекратно кланялась светилам. При этом она получала благословение от своих старших родственников. В текстах благопожеланий всегда присутствовали образы луны и солнца. Верили, что солнце и луна не просто освящали брачный союз, приобщая его к сакральности верхней зоны космоса, но и передавали молодоженам некую плодородную силу [Традиционное мировоззрение..., 1989. С. 100]. Следует заметить, что образ луны, связанный с идеей плодородия, содержит в себе ярко выраженную эротическую символику. Так, например, в ситуации, когда нежданный гость, зашедший в дом, заставал врасплох его хозяев, занимавшихся любовью, говорили «*ай аразына учурап парган*» – ‘букв. он встретил зарождение луны’ [Бутанаев, 1999. С. 19]. В связи с этим существовала примета: если молодой женщине снится нарождающийся месяц, то это – к беременности либо родам [Бурнаков, 2006. С. 178]. Наряду с идеей плодородия сияние небесных светил ассоциировалось еще и с богатством. Приведем отрывки из распространенных традиционных пожеланий, произносимых по этому случаю: «Пусть юрта твоя, освещаемая луною, опоясывается золотом! Пусть юрта твоя, освещаемая солнцем, опоясывается серебром!»; «То, что ты держишь под солнцем, пусть опоясывается серебром! То, что ты держишь под луною, пусть опоясывается золотом!» [Катанов, 1907. С. 235, 236–237]. Схожие свадебные благопожелания с обязательным упоминанием луны и солнца встречаются и у алтайцев:

«Да дойдут до тебя благословения самых почетных людей!

Да будет твое жилище богато золою!

Да сияет перед тобой всегда месяц,

Да светит всегда за тобой яркое солнце!»

[Радлов, 1989. С. 178].

Следует добавить, что сияние солнца и луны сопровождало вступление в брак и героев фольклорной традиции [Традиционное мировоззрение..., 1989. С. 100].

В новолуние проводились основные общественно значимые религиозные обряды – «тайыг», направленные на испрашивание у божеств плодородия, счастья, здоровья, удачи, стабильности и т. д. Такими коллективными ритуалами у хакасов были: *тигир тайыг* – ‘небесные жертвоприношения’, *таг тайыг* – ‘жертвоприношение духу родовой горы’, *суг тайыг* – ‘жертвоприношение духу воды’, *иней тас тайыг* – ‘жертвоприношение каменному изваянию’ и др. *Алгысчылы* (уважаемый мужчина, старейшина, эрудированный в вопросах духовной культуры народа, проводивший обряд небесного жертвоприношения – *тигир тайыг*) и шаманы в это время усиленно молились высшим силам о ниспослании сородичам всевозможных благ. Попутно камы активно проводили индивидуальные обряды и давали благословения всем нуждающимся. Следует отметить, что на шаманских атрибутах, в том числе и на бубнах, как правило, всегда были представлены астральные изображения и знаки [Катанов, 1893. С. 540; Кропоткин, 1895; Суховской, 1901. С. 3]. Считалось, что луна и солнце давали силу и освещали путь каму в процессе его мистерий [Потапов, 1981. С. 135]. Необходимо обратить внимание на то, что в шаманских молитвах всегда упоминались покровительствующие небесные светила. Приведем отрывки из типичных шаманских благопожеланий: «Тебе, мать моя Ымай, я даю пищу, ты вкушай одну чашку! Ты печешься о нас ночью и стережешь нас днем. Призывая драгоценное имя светлой луны, я кормлю тебя белым молоком белой коровы. Перед вами (о люди) да светит луна, а кругом да светит солнце» [Катанов, 1907. С. 564–565]; «Даю тебе в пищу белое молоко и белый прессованный творог! Кропление твоей березы совершаю руками и плечами, надеясь (что моя молитва дойдет) до луны и солнца!» [Там же. С. 573–574]; «Ноги твои да

ступают крепко, как крепка древесная накипь! Пока твоя черная голова, поседевши, не уподобится лебедю; пока твои белые зубы, пожелтевши, не уподобятся выдре – до тех пор пусть освящают вас луна и солнце, пусть не расстраивается никогда кочевье, пусть не потухает огонь и не переводятся горячие угли, пусть никогда не пугаются твои дети, освящаемая луною твоя юрта пусть наполнится белым (т. е. настоящим) золотом и освящаемое солнцем твое жилище пусть изобилует серебром, перед тобою пусть кишит твое потомство, а за тобою стада овец с ягнятами, 60 разветвлений корней твоих (т. е. твоей родни) пусть не истребляет нечистый дьявол! Произносимому теперь моему благословению да поспособствует святой творец! 70 разветвлений корней твоих (т. е. твоих друзей) да не искореняет мерзкий дьявол!» [Там же. С. 581]; «Живи до тех пор, пока не поседеет твоя черная голова и пока не пожелтеют твои белые зубы! Пусть юрта твоя, освещаемая луною, опоясывается и наполняется золотом! Пусть юрта твоя, освещаемая солнцем, опоясывается и наполняется серебром! Да умножится твое потомство и родня, да умножатся твои стада и табуны!» [Катанов, 1893. С. 540].

По хакасской традиции, увидев новую луну, люди троекратно кланялись ей. Считалось, что на четырнадцатый день новолуния наступало «белое пятно» (*ах толы*), считавшееся самым благоприятным временем месяца [Бутанаев, 2003. С. 46]. Когда луна превращалась в серп, напоминающий чашу, нужно было всю имеющуюся в доме посуду поставить на дно и открыть: месяц «наполнял» ее «счастьем». На полную луну, как считалось, нужно было позвенеть монетами в кармане или руке, чтобы водились деньги [Традиционное мировоззрение..., 1988. С. 35]. Кроме того, верили, что в новолуние отдельным людям предоставляется уникальная возможность внезапно обрести счастье, разбогатеть и пр. Н. Ф. Катанов зафиксировал у хакасов интересные сведения о ритуальных действиях, производимых с этой целью: «Луна, меняя свою фазу, проливает иногда ночью (на одно мгновение) сильный свет. Человек, увидевший этот свет, ложится на землю, на спину и берет рукою через плечо что-нибудь с земли, будь то комок грязи или камень, все равно и говорит: “О, если бы иметь мне нескончаемое

богатство!». Потом, взявши этот предмет, поднятый с земли, должен приберечь его и не говорить о виденном другим, тогда этот человек станет богачом» [Катанов, 1907. С. 583]. Схожие материалы об этом хакасском обычае представил и В. Я. Бутанаев: «В момент рождения новой луны небо внезапно озарялось. Явление озарения неба мог увидеть только счастливый человек. В том случае, если хонгорцу (хакасу. – В. Б.) открылось озарение неба в “междулуние”, то надо быстро опрокинуться на спину, схватить из-за правого плеча любой попавшийся предмет на земле и произнести заветное желание. Оно будет исполнено. Например, если произнести “*töñis nai polim*” – ‘буду вечным баем’, то человек станет богатым. Но если счастливец ошибется и проговорит “*monis nai polim*” – ‘буду грустным баем’, то он вечно будет ходить грустным» [2003. С. 46]. В традиционном сознании сияние небесных светил отождествлялся с блеском драгоценных металлов. Данные представления нашли отражение в хакасском фольклоре. Так, в «Предании о Чайзаге» дается подобное сравнительное описание; «Лошадь, на которой он обыкновенно ездил, была самая лучшая в целой стране; конская сбруя была самая великолепная; седельные луки – золотые, стремяна – серебряные. Когда он в ясный день въезжал в улус, от него светило, как от солнца; ночью – от него блистало, как от месяца [Костров, 1884. С. 234].

По форме и положению народившегося месяца хакасы прогнозировали погоду: «*Ай ойда төрізе, айас (чылыг) полар*» – ‘Если месяц родится вверх серпом, то будет (ясно)’; «*ай тўндере төрізе, чут ай полар*» – ‘Если месяц родится вниз серпом, то наступит ненастье’; «*хабырах ай төрізе – соох ай – ‘если месяц родится с острыми концами, то будет холодно’*» [Бутанаев, 1999. С. 19]; «Погоду определяли по положению только что народившегося месяца. Если месяц лежит, и его рожок может удерживать воду, то в течение месяца должны идти дожди. Если же месяц чуть-чуть приподнят, что вода может удержаться и капать, то в течение месяца будет прекрасная погода, но с периодическими дождями. Если месяц не удерживает воды, то будет засуха» [Бурнаков, 2006. С. 183]. Схожие приметы бытовали и у северных алтайцев: «Если новорожденный месяц висит прямо – к хорошей погоде, а если лежит – к дождю» [Там же.

С. 188]. На связь ночного светила с атмосферными явлениями указывает хакасская загадка: «Из-под луны я вытянул золотое сверло (туман)» [Катанов, 1907. С. 241].

В лунном месяце существовал естественный качественный рубеж: полнолуние, приходящееся на пятнадцатый день. Именно это время считалось «отмеченным», особым [Традиционное мировоззрение..., 1988. С. 50]. Этот день у хакасов назывался «*хызыл толы*» – ‘день красного полнолуния’. Считалось, что в это время темные силы обрезают месяцу горло. И он, обгаренный кровью, медленно, в течение пятнадцати дней умирает. По традиции в этот день требовалось забить овцу или, в крайнем случае, курицу [Бутанаев, 2003. С. 46]. Вместе с тем в традиционном сознании сам образ полной луны вызывал возвышенные эстетические чувства. Женская красота, как уже отмечалось, сравнивалась с солнцем и луной, находящейся в соответствующей фазе: «*Толы Хоорайның хыстары толыт сыххан ай осхас*» – ‘Девушки Хакасии похожи на взошедшую полную Луну’ [Бутанаев, 1999. С. 19]. «Вертящиеся девицы – подобны луне, которая наполнилась! Разыгравшиеся девицы – подобны солнцу, которое покраснело!» [Катанов, 1907. С. 421].

Период от полнолуния до «старой» (ущербной) луны – *ай иргізі*, считался неблагоприятным временем. При убывающей луне никогда не начинали новых дел, не устраивали праздников, не отправлялись в дальний путь. В это время обычно совершалась поминальная обрядность. Хакасы по этому поводу говорили: «*Ўреең кізінің чылын ай үзілер иргізінде итчеңнер*» – ‘Годовые поминки по умершему делали на заканчивавшийся старый месяц’ [Бутанаев, 1999. С. 19]. В традиционных представлениях данная пора считалась наиболее подходящей для осуществления зловредных магических манипуляций и всевозможных заклятий. По всей видимости, не случайно в тексте проклятий (*харгыс*) указывается временной промежуток – *ай* (месяц), в течение которого болезнь и несчастье должны были достигнуть и погубить человека:

«Ай иртіп алтаба!
Чыл иртіп киспе!
Ікі азааң іріп түссін!
Ікі холың сынып түссін!»

дения на светило чудовища Чилбегена. В результате чего между ними происходит борьба. Она идет с переменным успехом. В какой-то момент Чилбегену удастся одержать победу над луной. Она погибает. Это, как полагали хакасы, и был момент лунного затмения [Бутанаев, 1976. С. 232]. Другим объяснением было зловредное воздействие колдунов. Верили, что они могли долететь до луны и закрыть ее покрывалом или другим предметом. По этому поводу Н. Ф. Катанов писал: «Умирание месяца (лунное затмение) происходит оттого, что колдуны заволакивают месяц своим покрывалом» [1907. С. 274]. Нужно добавить, что исследователь зафиксировал и другие трактовки этого космического акта. «Умирание месяца происходит оттого, что колдуны изобретают средства и заговаривают» [Там же. С. 374–375]. Дана и более полная версия этих представлений: «Один колдун и один простой человек спорили. Колдун говорит: “Я закрою луну!”. – “Тебе не сделать этого!”, – говорит простой человек. – “Ну, пойдди в ту избу и смотри на луну!”. Потом колдун сел в своей избе, воткнул сверху в стол нож, он стал подниматься с конца ножа. Простой человек, сидя в другой избе, смотрит из окна на луну. Колдун долетает уже до луны; когда он приближался к луне, луна стала чернеть. Когда она почернела, народ весь закричал: “Луна умерла!”. Большие и малые кричат друг другу: “Луна умерла!”. Когда колдун закрыл луну, простой человек взял его нож и спрятал. Колдун затем на землю не пришел. От рукоятки ножа до луны протянулась дорога, наподобие аркана или шелковой нитки» [Катанов, 1907. С. 375]. Помимо этого в фольклоре указывается и такая причина исчезновения с неба свода солнца и луны, как уступка этих светил Худаем (Богом) Эрлик-хану – владыке Нижнего мира [Катанов, 1894б. С. 187]¹.

Свидетельства о лунном (солнечном) затмении и попытки интерпретации этого явления в русле соответствующей мифопоэтической традиции обнаруживаются и в героических сказаниях хакасов. Так, в эпосе «Хан-Тёңис на темно-сивом коне» представлен сюжет, согласно которому вырос-

шая на земле исполинская железная листовница затмевает собой все светила, оставляя людей во тьме [Баинов, 2007. С. 210]. Помимо этого, исчезновение света небесных тел объяснялось еще и размахом и интенсивностью борьбы богатырей:

«Хабызып, тартызыбысханнар.
Хара полған чирі
Хада айлан параатхандағ,
Хан тигірің паары
Тиң ибіріліс парғандағ,
Ачылбасча ах тубан
Азах арадаң чая сапхан,
Ағас пазынаң оралып,
Ай харағын тулғабысхан.
Көдірілбес көк тубан
Идек алтынаң көдірілген,
Көк чаазаға чай парып,
Күн харағын тулғабысхан,
Хадарған мал орлазып,
Халых чон хыйғыласхан.
Чир үстү хара нөблген»

‘Схватились они, бороться стали,
Черная земля
Как будто вместе [с богатырями]
закружилась,

И глубокое небо-хан
Как будто с ними завертелось.
Сплошной белый туман
Из-под ног расползлся,
Вершины деревьев окутывал,
Диск луны закрывал.
Непроницаемый синий туман
Из-под ног богатырей поднимался,
По зеленой степи расходился,
Диск солнца заволакивал.
Пасущийся скот ревел,
Люди перекликались,
Земля черным мраком окуталась’
[Алтын-Арыг, 1988. С. 93, 335].

В традиционной культуре хакасов солнце и луна являлись символом высшей власти и справедливости. Ими клялись и к ним обращались, оказавшись в затруднительном положении. Следует обратить внимание, что вторым часто встречающимся наименованием луны у хакасов было «*ай харагы*» – ‘букв. лунный глаз’. В сознании народа луна и солнце воспринимались в качестве «все-видящего ока». Оно на протяжении всего

¹ Архив МАЭ РАН (Кунсткамера). Ф. 5. Оп. 6. Д. 20. Л. 60–72.

времени беспрестанно наблюдает за всем, что происходит на земле. Рудименты этих представлений обнаруживаются в фольклоре. Там фигурируют волшебные предметы: «ай көстік» – ‘букв. имеющий глаз-луну’ и «күн көстік» – ‘букв. имеющий глаз-солнце’ – магические кристаллы, посредством которых герои имеют возможность обозревать происходящие во Вселенной события [Хакасский героический эпос..., 1997. С. 450; Бутанаев, 1999. С. 53]:

«Алтын Арыг, хыс чахсызы,
Ай көстігін сыгарған,
Күн көстігін хыс кизи
Суура тартып турадыр.
Алтын столның үстүне
Ікі көстігін турғызып,
Алтын Арыг, хыс кизи,
Анда көріп одыр.
Хыс кизи оңнап турза,
Хазан сыбачаң ибден
Хан тигірниң паарына
Хайдаг ниме көдіріл парған?»

‘Алтын-Арыг, лучшая из дев,
Лунный глазок свой [из кармана] вынула,
Солнечный глазок свой
[Из кармана] дева вытаскивает.
На золотой стол
Оба глазка она поставила,
Сидит дева Алтын-Арыг
[И в них] смотрит.
[Смотрит] дева и думает:
“Кто же это направился
Из юрты, где делают вино,
В глубину неба-хана?”
[Алтын-Арыг, 1988. С. 213, 454].

Солнцу и луне придавалось существенное значение в похоронной обрядности хакасов. Имел распространение ритуал – «прощание со светилами». Перед погребением покойника открывали крышку гроба и говорили: «Посмотри на солнце! Да не будем скучать по тебе мы, да не скучаешь об нас ты!» [Катанов, 1897. С. 90]. Необходимо добавить, что направленность этого обряда была нацелена на прощание не только с солнцем, но и луной. Данная традиция нашла отражение и в эпосах. Так, в богатырском сказании «Алтын Арыг» героиня по имени Пис-Тумзух перед своей смертью прощается с небесными светилами:

«Көрерге чахсы күннің харагы
Күзөк таа сіліг полған!
Айлан турған ай харагы
Ачырғастыгох полтыр!
Аллыг чирдің үстүнде
Паза Пис Тумзух полбас,
Чарых тигірниң алтында
Паза Пис Тумзух чөрбес»

‘Как же прекрасен
Милый солнечный диск!
[И] вращающегося месяца диск
Тоже до боли [красив]!
На просторной земле
Пис-Тумзух больше не будет
Под ясным небом
Пис-Тумзух уже не ходит’
[Алтын-Арыг, 1988. С. 63, 305].

Известный фольклорист В. Е. Мойнагашева, анализируя данный сюжет и ссылаясь на материалы С. Е. Малова [1952. С. 26–29], совершенно справедливо связала его с традицией древнетюркских эпитафий. «Прощальное обращение к светилам – луне и солнцу, – сообщает исследовательница, – перед смертью встречается, как известно, в древнекыргызских енисейских надписях – памятниках с Элегеша и Бегре. Видимо, и предки хакасов особо почитали эти светила и перед “уходом в потусторонний мир” прощались с ними» [Алтын Арыг, 1988. С. 546].

Итак, представленный материал позволяет сделать вывод о том, что в мифоритуальной сфере хакасов образ луны занимал одно из важнейших мест. Луна, наряду с солнцем, являлась универсальным символом жизни, процветания и гармонии. Она была высшим эталоном красоты. В традиционном мироощущении светило выступало в качестве объекта, по которому измеряли пространство и время. Лунные циклы оказывали прямое влияние на ритуальную практику народа, связанную с представлениями о жизни, смерти, судьбе, богатстве и т. д.

Список литературы

Алексеев Н. А. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири (Опыт ареального сравнительного исследования). Новосибирск: Наука, 1984. 234 с.

Алтын хус, вскормленный орлами: Хакасские героические сказания // Трояков П. Героический эпос хакасов и проблемы изучения. Абакан, 1991. С. 194–208.

Алтын-Арыг. Хакасский героический эпос. М.: Наука, 1988. 592 с.

Баинов М. Р. Хан-Төңис на темно-сивом коне. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 2007. 384 с.

Баскаков Н. А., Инкижекова-Грекул А. И. Хакасско-русский словарь. М.: Главиздат, 1953. 487 с.

Бурнаков В. А. Духи Среднего мира в традиционном мировоззрении хакасов. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. 197 с.

Бутанаев В. Я. Представление о небесных светилах в фольклоре хакасов // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Филологическая. Абакан, 1976. Вып. 20. С. 231–240.

Бутанаев В. Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан: Хакасия, 1999. 240 с.

Бутанаев В. Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан: Изд-во ХГУ, 2003. 260 с.

Каратанов И. Черты внешнего быта качинских татар // ИИРГО (извлечение). СПб., 1884. Т. 20, вып. 6. С. 6–33.

Катанов Н. Ф. Среди тюркских племен // ИИРГО. СПб., 1893. Т. 29, вып. 6. С. 519–541.

Катанов Н. Ф. О погребальных обрядах // ИОАИЭ при Казан. Имп. ун-те, 1894а. Т. 12, вып. 2. С. 109–142.

Катанов Н. Ф. Качинская легенда о сотворении мира // ИОАИЭ при Казан. Имп. ун-те, 1894б. Т. 12, вып. 2. С. 185–187.

Катанов Н. Ф. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов (Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. В. Радловым). СПб., 1907. Т. 9. 640 с.

Катанов Н. Ф. Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сент. 1896 г. в Минусинский округ Енисейской губернии. Казань: Типо-Литография Имп. Казан. ун-та, 1897. 104 с.

Катанов Н. Ф. Хакасский фольклор. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1963. 164 с.

Кляшторный С. Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб.; 2003. 560 с.

Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб.: Петерб. востоковед, 2004. 362 с.

Костров Н. А. Очерки быта минусинских татар // Тр. IV Археологического съезда. Казань, 1884. Т. 1. С. 208–248.

Кропоткин А. А. Саянский хребет и Минусинский округ // Живописная Россия. СПб.; М.: Изд. Тов-ва М. О. Вольф. 1895. Т. 12. ч. 1: Восточные окраины России. Восточная Сибирь. С. 19–50.

Лунарные мифы // Мифы народов мира. М.: Сов. энциклопедия, 1988. Т. 2. С. 78–80.

Майнагашев С. Д. Жертвоприношение небу у бельтиров // МАЭ. Пг., 1916. Т. 3. С. 93–102.

Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 116 с.

Попов Н. Поверья и некоторые обычаи качинских татар // ИИРГО (извлечение). СПб., 1884. Т. 20, вып. 6. С. 34–48.

Потанов Л. П. Шаманский бубен качинцев как уникальный предмет этнографических коллекций // Материальная культура и мифология. Л.: Наука, 1981. С. 125–137.

Потанов Л. П. Древнетюркские черты почитания неба у саяно-алтайских народов // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1978. С. 50–64.

Потанов Л. П. Мифы алтае-саянских народов как исторический источник // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1983. С. 96–110.

Потанов Л. П. Алтайский шаманизм. Л.: Наука, 1991. 321 с.

Радлов В. В. Из Сибири: страницы дневника. М.: Наука, 1989. 749 с.

Суховской В. О шаманстве в Минусинском крае // ИОАИЭ при Казан. Имп. ун-те, 1901. Т. 17. С. 1–9.

Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск: Наука, 1988. 224 с.

Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество. Новосибирск: Наука, 1989. 243 с.

Хакасские сказки // Сказки народов СССР. М.: Изд-во «Правда», 1986. Т. 2. С. 286–296.

Хакасский героический эпос: Ай-Хуучин. Новосибирск: Наука, 1997. 479 с.

Хакасско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.

Щукин Н. С. Шаманство у народов Северной Азии. Статья первая // Отдельный оттиск. Прибавление к Журналу Министерства народного просвещения, 1846. № 1. С. 25–44.

Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения. М.: Ладомир, 1999. 488 с.

генды. Как коростель спас землю, солнце и луну». Октябрь, 1957 г. Л. 60–72.

Список источников

Архив МАЭ РАН (Кунсткамера). Ф. 5. Оп. 6. Д. 20. «Н. С. Тенешев. Хакасские ле-

Материал поступил в редколлегию 19.04.2012

V. A. Burnakov, D. Ts. Tsydenova

MOON IN THE TRADITIONAL WORLD KHAKASSES

The article is devoted to the reconstruction of mythological beliefs Khakases about the moon. Traditional society people do not see themselves outside of nature, away from her. Among the many natural objects, the emphasis moon. In the worldview of the people prevailed mystical perception of this light. Believed that human life was largely dependent on her. The space object was perceived as a human being endowed with the highest sacred force. Image of the moon was associated with the idea of fertility, prosperity and harmony. This contributed to a regular, and often – ecstatic worship her. Along with the sun, it was perceived as a cosmic principle, which determines the rhythm of life on earth. Believed that, like everything else in nature, she herself has properties variability – was born, grew up and died again revived. In the culture of the people of each lunar phase we obtain the corresponding myth-ritual design. Moon had a decisive influence on the formation of the ritual practices associated with the concept of life, death, fate, wealth, etc. The lunar cycle was the basis of the national calendar of Khakassia. In traditional outlook shining act as sites for which measured not only time, but also space. Correlated economic and other activities. Moon, speaking higher standard of beauty promoted the formation of aesthetic standards in Khakassia.

Keywords: Khakas, beliefs, myth, ritual, moon, sun, man, shamanism, spirits, destiny.